Текст · 13 августа 2022, 11:52
Анна Рассел,

«Шесть месяцев — это ничто». Репортаж New Yorker о том, как британцы принимают у себя дома украинских беженцев

Любой житель Великобритании, у которого есть свободный дом или просто комната, имеет право сделать визу для украинских беженцев, по которой они смогут въехать в страну на три года с правом на работу. На этой неделе управление национальной статистики провело опрос и выяснило, что почти четверть британцев, присоединившихся к программе «Дома для Украины», не хочет, чтобы беженцы жили у них дольше минимального срока — полугода. «Медиазона» публикует перевод статьи лондонской корреспондентки *New Yorker* Анны Рассел, которая уже полгода наблюдает за тем, как работают «Дома для Украины».

В один из первых дней после начала российского вторжения в Украину 17-летний Тимур Сабри поехал к своей бабушке в деревню под Киевом. Тимур высокий, он любит играть в баскетбол, у него буйные волосы и низкий голос. До войны он жил в Киеве с родителями и старшим братом. По соседству жила его сестра Карина с мужем и собакой по кличке Алмаз. В школе Тимуру прекрасно давались математика и физика, а еще — как и многие в семье — он играл на фортепиано. Его мать Светлана занималась музыкой профессионально. «Я родился в Киеве, и там у нас было все», — рассказывает он. Но в тот день, пока он был у бабушки, ракеты разорвались прямо возле

их деревенского дома — и семья решила, что пора уезжать. «Мы собрали вещи и просто уехали», — говорит Тимур.

На то, чтобы выбраться из страны, им понадобилось три дня. С Тимуром ехали мать и сестра, а еще двоюродная сестра и две тети — «все женщины нашей семьи». Украинские законы военного времени запрещают покидать страну мужчинам в возрасте от 18 до 60 лет, поэтому 52-летнему отцу Тимура и 23-летнему брату Артуру пришлось остаться. Внезапно Тимур оказался единственным мужчиной в семье.

Они сели на поезд до Львова. Дом покинули налегке, но у всех были рюкзаки с теплой одеждой, потому что температура временами опускалась ниже нуля. Во Львове они заплатили какому-то мужчине, чтобы тот отвез их до границы, и ее пересекли уже пешком. В Польше сменили несколько автобусов, чтобы добраться до Варшавы, а там, при участии работодателя мужа Карины, получили бесплатный номер в гостинице при аэропорте. Их поразили звуки взлетающих оттуда самолетов. «Для нас было странно, что самолеты могут летать в мирное время и с мирными целями», — говорит Тимур.

В той гостинице они провели больше месяца, дольше жить там было нельзя. Двоюродная сестра и тети Тимура решили остаться в Польше, а Карина, которая зарабатывала на жизнь фотографией, отправилась в Париж, где нашла подработку. Тимур с матерью тоже прикидывали варианты. В отличие от остальных членов семьи, у Тимура был очень хороший английский, и он подумывал о продолжении

обучения в англоязычной стране. В интернете он прочитал о британской программе «Дома для Украины», в рамках которой британцы могли оказать помощь отдельным украинцам или целым семьям, согласившись принять их у себя дома не менее чем на полгода. Беженцам предлагали комнаты, а иногда даже и целые этажи в частных домах, но сам процесс оказался непростым. Принимающий британец должен был сообщить властям данные конкретного украинца и заполнить огромную анкету.

Тимур пересказал историю своей семьи в фейсбуке: написал, что хочет стать музыкантом, что говорит по-английски и ищет жилье для себя и матери, которая тоже хочет продолжить музыкальную карьеру. Откликнулось на удивление много людей. «Это было потрясающе», — говорит Тимур. Пробираясь сквозь множество комментариев, он переводил их для матери. «Нужно было посмотреть разные кандидатуры, чтобы сделать правильный выбор», — говорит он. Одна женщина написала, что у нее в Лондоне есть подруга по имени Луиза Кэй, которая готова предоставить жилье людям, так или иначе связанным с искусством. Тимур связался с ней, они немного попереписывались и созвонились по видеосвязи: «Ну и она сказала: "Отлично, я думаю, что все в порядке"».

* * *

В фантастическом романе Мохсина Хамида «Выход: Запад», вышедшем в 2017 году, повсюду внезапно появляются волшебные двери, открывающие переходы в другие страны. «Начали ходить слухи о

дверях, которые могут перенести вас куда угодно», — пишет Хамид. В романе люди проходят через затемненный портал в одном месте и выходят в совершенно другом. Для украинцев эффект от британской программы «Дома для Украины» оказался чем-то схожим. В марте, когда она была анонсирована, более ста тысяч британцев записались в потенциальные участники. Вскоре в Великобританию начали прибывать первые украинцы, которым приходилось обустраиваться в новой реальности — не считая стресса от самого переезда и бумажной волокиты. Для многих этот опыт был таким же невероятным и неожиданным, как прыжок через волшебную дверь.

Луиза Кэй живет на красивой, утопающей в зелени улице в Чизуике — раойне в западном Лондоне, считающемся одним из самых богатых в столице. Ее дом из красного кирпича с белыми оконными рамами, оплетенный плющом, огорожен невысоким забором и окружен огромными деревьями. Внутри — несколько спален, студия (Кэй — художница), нагромождения книжных полок под лестницей и просторная столовая с видом на сад. В гостиной стены выкрашены в бледно-бирюзовый цвет и увешаны картинами. Там есть имзовское кресло[1], концертная арфа и рояль. На втором этаже несколько помещений, где часто располагаются гости, а также ванная, зона отдыха и крошечная, но функциональная кухня.

Кэй переехала в этот дом в 1990-х с мужем Дэвидом и двумя маленькими дочерьми. Кэй впервые встретила Дэвида, выходца из состоятельной семьи, на концерте в Королевском фестивальном зале, когда училась реставрации предметов искусства и готовилась к

работе в Италии. Передумав переезжать, Кэй вышла замуж за Дэвида, а тому вскоре перешел по наследству семейный бизнес. Кэй какое-то время руководила маркетинговой компанией, а затем посвятила себя волонтерской работе. Она работала в бюро правовых консультаций, занималась программой по обучению грамоте взрослых и была мировым судьей. Вместе с Дэвидом они открыли центр для молодежи, устраивали у себя благотворительные обеды и домашние концерты. У них всегда жили посторонние — как правило, молодые друзья или музыканты, которым нужно было где-то остановиться на время гастролей. Один из таких постояльцев — пианист и любитель оперы — прожил в доме 15 лет.

В 2019 году пара решила принять у себя сирийских беженцев и связалась с некоммерческой организацией *Refugees at Home*. Любителю оперы пришлось освободить комнату, и второй этаж опустел. Но в августе того же года Дэвида положили в больницу, а спустя пять недель он скончался. Кэй поняла, что не справится одна; ей казалось, что она «слоняется по пустому дому». Она подолгу гуляла в парке со своим стареньким спаниэлем Сэди. У нее завязались новые отношения — с женщиной по имени Клэр, психотерапевткой на пенсии, увлеченной пловчихой. Когда в Украине началась война, Кэй позвонила *Refugees at Home* и сказала, что теперь точно готова. Она говорит, что почувствовала личную связь с Украиной, потому что ее прадед-еврей бежал из Одессы во время погромов в начале XX века.

Когда Кэй увидела пост Тимура в фейсбуке, она решила сперва созвониться — чтобы убедиться, что они ничего не имеют против ее отношений с

Клэр, — а затем заполнила документы и направила их в *Refugees at Home*. Она решила отдать Тимуру спальню наверху («чтобы у него было собственное пространство, которое необходимо подростку, и чтобы он мог спокойно учиться»), а его матери — соседнюю гостиную с раскладной кроватью. Она купила набор базовых продуктов — рис, макароны, помидоры, — чтобы они сразу по приезде могли что-нибудь приготовить.

Поезда «Евростар» в депо в Лондоне. Фото: PA / Reuters

Тимур и Светлана на поезде добрались из Варшавы до Парижа и на несколько дней остановились у Карины. Тимуру город не понравился. «У меня теперь есть какой-то опыт, я пожил в Варшаве, в Париже, и точно могу сказать, что Киев для меня — лучший вариант, — поделился он перед отъездом из Франции. — В Лондоне я пока не бывал, но едва ли мое мнение поменяется». Вдвоем с матерью сели на скоростной поезд «Евростар» — бесплатный для украинцев, — а затем на метро добрались до Чизуика. При себе у них было несколько сумок и коробка пирожных для Кэй. Встретившись, они пошли в сад и сели пить чай.

* * *

С начала марта около 86 тысяч украинцев смогли добраться до Великобритании — либо по программе «Дома для Украины», либо по специальной программе для тех, у кого в стране уже живут члены

семьи. По сравнению с общим числом украинских беженцев в Европе (под данным ООН, 6,4 миллиона человек) — это капля в море, и страны Евросоюза сделали в этом отношении гораздо больше. Германия приняла более 800 тысяч человек; Польша — почти 1,2 миллиона. США обязались принять до 100 тысяч.

Рене Манн, руководительница службы британской некоммерческой организации *Refugee Council,* говорит, что украинцы, приезжающие в Великобританию, — это, как правило, женщины с детьми или квалифицированные специалисты, у которых есть деньги на дорогу. Британское правительство не оплачивает дорогу из Украины, поэтому, по ее словам, «чтобы попасть сюда, все же нужно обладать каким-то социальным капиталом».

Как-то раз я встретила в пабе Яну, 27-летнюю девушку из Киева, которая только что переехала в Хакни, это восточный Лондон. Когда началась война, она работала в банке и жила с родителями. Ночью, лежа в постели, она услышала за окном звуки, похожие на салют, и поняла, что это обстрел. Вместе с родителями она провела пять дней в бомбоубежище, но потом они все же вернулись домой, закрыли все окна и спрятались в ванной. Она прочитала о британской программе в интернете и решила подать заявку. Родители уезжать отказались наотрез, но Яне хотелось уехать как можно дальше: «Я сразу же сказала: "Так, что нужно делать?"».

Она списалась с Алексом Уордом, 34-летним сотрудником жилищно-коммунальной компании. Уорд писал, что он гей, у него есть кошка, а живет он в небольшой двухкомнатной квартире, комнату

в которой с удовольствием готов ей предоставить. Уорд недавно расстался с мужем — россиянином, родившимся в Украине. Когда началась война, Уорд «сидел дома, чувствуя себя крайне дерьмово». Услышав о программе по приему беженцев из Украины, он подумал: «Надо что-то делать». Яна ехала в Польшу вечерним поездом, переполненном женщинами и детьми. В целях безопасности свет в вагонах не включали, и она сидела в темноте, думая о своей семье. Уорд связал ее со своей коллегой в Польше, и она пробыла там несколько недель, а уже потом отправилась в Великобританию.

Когда Яна прилетела в Лондон — а это был ее первый полет в жизни, и всю дорогу она смотрела в иллюминатор, — ей показалось, что город похож книгу с картинками. Польская коллега Уорда работала в отделе кадров — она предложила Яне скромную позицию в той же компании. «Очень много работы с таблицами», — пересказывает девушка свои обязанности. Днем она работала за кухонным столом, а вечерами занималась английским онлайн или смотрела *Netflix*. Каждый день она созванивалась по видеосвязи с родителями, но все равно чувствовала себя одиноко.

Как-то вечером мы с Яной шли на мероприятие в Хакни для украинских беженцев в Лондоне. Внутри волонтеры Армии спасения[2] раскладывали по стойкам брошюры о языковых курсах, поиске работы и доступе к библиотекам. На полу лежал коврик для игр, дети возились с игрушечной кухней. Подавали чай, кофе и «Киевский» торт. «Я знаю этот торт!» — весело сказала Яна. Она разговорилась с мужчиной, который давно уже ждал прибытия двух

друзей семьи — они несколько месяцев не могли оформить визы. «Не понимаю, в чем проблема», — говорил он.

Девушка, которой было примерно столько же, сколько и Яне, рассказала, что уехала из Украины с дочерью и недавно поселилась в квартире в Лондоне. Они с Яной возбужденно разговаривали, гадая, что будет после того, как истекут положенные им шесть месяцев бесплатного жилья. «Время пролетит мгновенно», — сказала девушка. Несколько недель спустя она написала мне, что человек, предложивший ей квартиру, неожиданно попросил ее съехать, и теперь она ищет новое жилье. Позже ее переселили в другую принимающую семью, но опыт все равно был травмирующим.

Рене Манн говорит, что украинцы, прибывшие по программе «Дома для Украины», не получают такой же защиты, как другие беженцы в Великобритании. Некоторые уже остались без крыши над головой. По словам Манн, неожиданные отказы в дальнейшем проживании происходят, когда принимающие семьи «понимают, что были не готовы — например, потому, что никогда раньше ни с кем не жили вместе». «Безопасность тех, кто приезжает по программе "Дома для Украины", является нашим главным приоритетом, и все с первого дня имеют право на такую же защиту, как и граждане Великобритании, включая доступ к здравоохранению, образованию и льготам, — сказал мне представитель правительства. — В очень редких случаях, когда отношения приехавших и принимающей стороны по какой-то причине не

складываются, районные советы принимают меры, чтобы семьи не оставались без крыши над головой».

Перед тем, как принимающей стороне предложат принять беженцев, она проходит проверку; также делается осмотр жилого помещения. Но многие говорят, что это очень поверхностная процедура. «В добросовестности таких проверок есть огромные сомнения», — говорит Манн. Местные власти не всегда могут определить, например, были ли у человека ранее какие-то «нарушения, связанные с детьми», или занимался ли он финансовыми махинациями. По мнению Сары Нейтан, соучредительницы *Refugees at Home*, проверки иногда сводятся к «частностям: лестницы без подступенка, розетки не в том месте, или пожарная сигнализация отсутствует». Так что же делает размещение беженцев возможным? Среди прочего, как говорит Нейтан, «что все в доме нормально к этому относятся». «Вы точно готовы принять гостей? Думали ли вы о том, как будете уживаться?».

Манн утверждает, что беженцу, чтобы освоиться в новой стране, нужно намного больше времени, чем думает большинство британцев. Человеку может потребоваться три года — а это верхний предел сроков британской визы для украинцев, — чтобы почувствовать себя финансово независимым и интегрироваться в общество. «Сейчас люди только начинают что-то понимать, — говорит она. — Если ты только что приехал в новую страну, шесть месяцев — это ничто».

Украинские беженцы в семье в Северном Мортоне, графство Оксфордшир. Фото: PA / Reuters

* * *

Первые дни в Лондоне для Тимура и Светланы тоже были непростыми. Сбивала с толку даже погода — Тимур часто одевался слишком тепло, — а еще нужно было оформить огромное количество документов. Кэй проделала за них большую часть работы, но они все равно часто сталкивались с бюрократическими трудностями. Чтобы подать заявку на получение пособия, нужно было иметь банковский счет, но для того, чтобы открыть банковский счет, нужно было подтвердить адрес. Такие вещи выматывали. «Это занимало очень много времени», — говорит Тимур.

Кэй подала заявку на продуктовый купон на 200 фунтов для Тимура и Светланы, который прислали уже через неделю после их переезда в Лондон. Кэй также позвонила в местную частную школу *Latymer Upper School*, одну из лучших в стране, куда Тимура приняли бесплатно и подарили ноутбук. В самый первый день он попробовал фиш-энд-чипс («Кэй сказала мне, что это традиционное блюдо») и сходил на урок домоводства, где учили готовить омлет. Вначале Тимур стеснялся («Я даже не мог найти тему, на которую можно было бы с кем-то поговорить»), но одноклассники оказались очень дружелюбны. «В Украине было гораздо сложнее, — сказал он, — потому

что многое приходилось делать самому. А здесь я чувствую огромную поддержку».

Тимур теперь играет в баскетбол после школы в парке по соседству. Кэй купила ему мяч, который он с благодарностью принял, хотя мяч и не баскетбольный. А Светлана пришла в восторг от пианино, которое стояло в гостиной, и предложила Кэй уроки пения. На этом же пианино Тимур сыграл композицию, которую сочинил для Кэй. («Это был скорее джаз, чем классика», — говорит она.)

Однажды Светлана сходила с Кэй и ее партнершей на фильм «Аббатство Даунтон: Новая эра». Впрочем, временами ее обуревали переживания. Старший сын все еще оставался в Киеве, где учился на медика, и она очень волновалась за него. Родители тоже остались в Киеве, временами им становилось плохо. Отец Тимура, который еще студентом бежал от войны в Афганистане в Украину, пытался сохранить небольшой семейный бизнес — магазин одежды. Он сказал Тимуру, чтобы тот по максимуму использовал новые обстоятельства.

Однажды я зашла к Кэй, когда Тимур и Светлана готовились к собеседованию на визу. Им нужно было доехать на метро до офиса возле лондонского Тауэра, где должны были сфотографировать и взять отпечатки пальцев. Кэй была одета в тунику, ее уши украшали крупные серьги. Она готовила пасту. Светлана показывала их с Тимуром комнаты на верхнем этаже. В небольшой кухне она заварила чай. Тимур переводил то, что говорила его мать: «У нас есть все, что нужно для жизни». Он был одет в зеленый спортивный костюм и выглядел

немного уставшим. «Начинаю чувствовать темп и ритм учебы», — сказал он. Учитель попросил его рассказать другим ученикам о своем опыте в Украине, и он согласился. «Это действительно важно, потому что речь сейчас идет не только об Украине. Речь идет обо всем человечестве. Никто не должен оказаться в такой ситуации».

На собеседовании Тимур и Светлана услышали, как стоящая перед ними семья говорит по-украински, и с радостью присоединились к разговору. Потом по длинному офисному коридору их провели в маленькую комнату, где они сели напротив служащего, которого отделяла пластиковая перегородка. «Сначала займемся ей, а потом уже тобой», — сказал служащий Тимуру. Светлану сфотографировали и проверили ее паспорт. Прошло несколько минут. Тимур держал мать за руку. «Как тебе кажется, это все надолго?» — спросил он.

Автор: Анна Рассел

Оригинал: «*The Ukrainians Living in British Spare Rooms*», *The New Yorker, July 2, 2022.*

Перевод: М.К.

Translated with permission from The New Yorker.

1. Знаменитое кресло, которое сделали в 1950-е американские дизайнеры Чарльз и Рэй Имзы для фирмы Herman Miller.
2. Международная христианская и благотворительная организация, основанная в 1865 году в Англии.